

МИХАИЛ ЧВАНОВ

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

РАССКАЗ

Прошло каких-нибудь полчаса, как вертолёт, забросивший нас сюда, топорливо скрылся за ближайшей вершиной, поросшей худосочной приполярной тайгой, и над неудобным эвенкийским посёлком, состоящим из беспорядочно наставленных по берегу безликих деревянных домов, похожих больше на бараки, воцарилась прежняя тягучая предненастная тишина. Я сидел около сельсовета, в котором нас пристроили на ночлег, на обмотанных оленьими шкурами трубах теплотрассы и ещё, кажется, не верил, что нахожусь в самом центре студёно-жутковатого Верхоянского хребта, что за теми вон увалами — второй полюс холода на нашей планете, холоднее только в Антарктиде. И, на первый взгляд, на самом деле было трудно поверить: горы как горы, дома как дома во всех строящихся временно, а на деле самых постоянных лесных посёлках. Только вот слишком уж чахлая тайга здесь, да ещё эти трубы, укутанные в оленьи шкуры, высоко поднятые над вечной мерзлотой, — а теперь их закрывали в широченный деревянный кожух, который, в свою очередь, набивали опилками, — и говорили о том, что сегодняшнее робкое и мягкое солнышко — большая редкость в здешних местах. И если бы хоть немного знать приметы, то без труда можно было бы увидеть, что уже во всём чувствуется приход долгого, утомительного, но такого привычного здесь ненастья, и потому так тихо и благодатно греется в робких солнечных лучах посёлок.

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился в 1944 году в Башкирии. Автор более двадцати книг прозы и публицистики, председатель созданного им Аксаковского фонда. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова, премии имени К. М. Симонова, Большой литературной премии первой степени Союза писателей России, премии “Имперская культура” имени Э. Ф. Володина и “Александр Невский”. В 2000 году награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, в 2010 году — орденом Почета. Почётный гражданин Уфы. Вице-президент Международного Фонда славянской письменности и культуры.

Стоило солнышку лишь наполовину закатиться за гору, за которую торопливо улетел вертолёт, как от земли потянуло нутряной ледяной стужей. И ещё тише и меньше стал и без того тихий и маленький посёлок, и сразу, словно по команде, из десятков труб потянулся сизый, пока ещё робкий дымок.

Была та предвечерняя пора, когда по всей России, наверное, в деревнях, — разумеется, в тех, которые ещё живы, — растопляют печи, и так не похожий на привычные российские веси, неуютно расхристанный эвенкийский посёлок, без подворий и огородов, сразу стал мне ближе и даже как-то уютнее.

Над крышами домов только что начавшего сумерничать далёкого приполярного посёлка всё веселее и увереннее видяся вкусно пахнущий сизый дымок, и я невольно поёжился от начинающей пробираться свежести и вдруг с лёгкой печалью подумал, что, намёрзшись, тут не прижмётся сладко спиной к горячим кирпичам, потому что печки тут в основном железные, из бензиновых бочек...

Мои мысли прервал вывернувшийся из-за соседствующего с сельсоветом магазина невысокий большеголовый мужик — явно русский, потому я, наверное, и обратил на него невольное внимание здесь, в эвенкийском посёлке. Он был одет в серый заношенный пиджак и, несмотря на лето, в меховую шапку с торчащими в стороны ушами.

Увидев меня, мужик повернул в мою сторону и широко и радостно улыбался. Я ждал, рассматривая его. Он был не просто большеголовый, а верхняя часть головы его, примерно от уровня глаз, по всей окружности была значительно шире нижней, словно была взята от другой головы.

— Здравствуй! — Добро сморщившись всем лицом, мужик, как старому знакомому, протянул мне руку. — Прилетели. Снова искать?.. А мне сказывали, что должны прилететь, жду, жду... И вот смотрю, в такую непогоду — вертолёт! Думаю, наверное, они. Больше некому. Пассажирский сейчас не придёт. В такую погоду может только санрейс, но у нас вроде бы никто смертельно не заболел, так, чтобы уж совсем помирать... Из прошлогодних кто-нибудь есть? — Он всё ещё радостно тряс мне руку.

— Есть. Вон за сельсоветом на скамеечке сидят.

— Пойду, поздороваюсь, — словно извиняясь, что оставляет меня, снова сморщился он в улыбке.

— Конечно, — сказал я, и он, ещё раз извинительно улыбнувшись, зашел за угол, а я опять стал смотреть на печные дымы, на горы, окружающие посёлок.

Когда минут через десять я вернулся к ребятам, он сидел у них в ногах, — кто из ребят стоял, кто сидел на лавочке, — прямо на студёной земле, обхватив колени руками, и что-то рассказывал. Открытая, простодушная улыбка не сходила с его лица.

Ребята снисходительно посмеивались.

— Дима, правда, что жена у тебя немка? — увидев меня, небрежно и нарочито громко спросил Юра Неганов, при этом он откровенно подмигивал мне: слушай, мол, концерт... Это было его любимое выражение.

Меня покорибил и этот тон, и то, что ребята по-прежнему сидели на лавочке или стояли и смотрели на Диму сверху, а он сидел у них в ногах прямо на вечной мерзлоте, и был этот Дима по крайней мере в два раза старше того, кто спрашивал.

— Правда, — просто и открыто поднял он глаза на меня, и при этом лицо его опять добро сморщилось, отчего стало по-детски доверчивым и беззащитным.

Я хотел было отойти, боясь стать свидетелем какого-нибудь грубоватого розыгрыша или скабрезного анекдота, но что-то меня удержало. Скорее всего, эта по-детски доверчивая и беззащитная улыбка.

— И немецкий язык ты знаешь? — продолжал Юра Неганов.

— Да почти уж забыл, — смущённо улыбнулся Дима. — Сколько лет прошло! Одно время думал, что совсем забыл, а вот два года назад в геологической партии тут был практикант-геолог из ГДР, — оказывается, помню. Много мы с ним по вечерам у костра говорили...

— Так что, на самом деле жена была немка? — осторожно переспросил Володя Хабаров, который, как и я, был в посёлке впервые.

— Правда, — по-прежнему простодушно и открыто ответил Дима, которого уже давным-давно полагалось звать по имени-отчеству. — Эльтруда. Я невольно оглянулся на ребят, надеясь прочесть ответ на их лицах, но, кроме нас с Володиёв Хабаровым, Диму давно уже никто не слушал, все были заняты своим разговором.

— Наверное, наша — из немцев Поволжья или из Казахстана? — предположил Володя Хабаров.

— Нет, настоящая, из Германии, — улыбнулся Дима.

— А где же ты на ней умудрился жениться? — снова подмигнул мне Юра Неганов. В прошлый прилёт он, видимо, уже слышал этот рассказ и теперь великодушно потчевал им нас.

— Там, в Германии, — улыбнулся Дима.

— А как ты очутился-то там, в Германии? — всё так же небрежно-нисходительно, как с ребёнком, продолжал говорить Юра Неганов. Даже здесь, в “поле”, на лацкане его заношенного пестротканого пиджачка красовался вузовский значок. — Ну, заливаешь! Ну, заливаешь!

Но Дима, к моему удивлению, не обиделся. Он словно не замечал его тона:

— Я служил там.

— А где же она сейчас? — не унимался Юра.

— Там, в Германии осталась. — Не расцепляя рук, Дима покачивался взад-вперёд.

— Дима у нас такой! — довольный произведённым впечатлением, продолжал Юра Неганов. — Своих ему мало! Ему иностранок подавай! Так, Дима?.. — И тут же забыв о нём, включился в общий экспедиционный разговор: что надо будет сделать завтра в первую очередь, какие закупить продукты... А Дима, забытый, сгорбленный, по-прежнему обхватив колени руками и покачиваясь, продолжал сидеть на земле.

Я впервые видел этого Диму, я ничего не знал о нём, но вдруг мне стало обострённо больно и ясно, что не заливаешь он, что за всем этим, за его беззащитной и открытой улыбкой стоит какая-то горькая правда. И хотя больше уже никто не обращал на него внимания, я боялся какого-нибудь нового нелепого и бесцеремонного вопроса.

— Холодно так сидеть, на земле-то, — торопливо сказал я.

— Да нет, — повернулся он ко мне и опять по-детски улыбнулся. — Привык... Было дело... Идётся, как привал, садись так. Это, значит, чтобы бежать трудно было. А куда бежать-то?! Бывает, задница примёрзнет, — засмеялся он. — А потом идёшь, и словно она чужая, словно не кожа у тебя там, а лист холодной жести, только не звенит...

До меня не сразу дошло, о чем это он: “Идётся, бывало...”

— А где лагерем-то будем вставать? — спросил он. — Как в прошлом году, около меня, что ли?

— Не знаю, — растерялся я. — Я тут в первый раз.

— Лагерем-то около меня будете вставать?.. — повторил он, обращаясь уже к ребятам. — Я спрашиваю, лагерем-то...

— Да нет, наверное, — наконец, откликнулся кто-то из ребят.

— Да, я всё тебя забываю спросить, — вспомнил о Диме Юра Неганов, — зачем зимой и летом в шапке ходишь?

— Да у меня голова что-то мёрзнет, — смутился Дима, снял и снова нахлобучил шапку.

— Голова мёрзнет? — наигранно удивился Юра.

— Да не то чтобы особо мёрзнет, — совсем смутился Дима, — а словно давит её изнутри, распирает, даже страшно порой становится: как бы не лопнула... Как сказали тогда в Германии... поедешь... утром проснулся, а её давит... Вот с тех пор... Так не около меня встанете, что ли?

— Нет, Дима, нынче на этой стороне озера встанем, — наконец, услышал его Вася Василенко. — Да прямо около лодочной стоянки. Приходи в гости. Тебе же по пути... Приходи...

— Приду обязательно, — сморщился Дима в радостной улыбке. — Как же!.. Два лета рядом жили. Уж, можно сказать, почти родные. Я, правда, нынче свой сезон там, в карьере, закончил. Но специально приду... Отозва-

ли меня в посёлок, говорят, тут нужен, всё равно зима на носу... У меня ведь теперь жильё есть...

Но его уже опять никто не слушал.

— ...А я думаю, если они около меня встанут, тогда, может, и я там ещё с месяц поработаю, — пояснил он уже одному мне.

Чувствуя перед ним какую-то вину, я присел рядом с ним на корточки.

Он сразу откликнулся широкой доброй улыбкой. Тогда я осторожно спросил:

— И дети были?

— Две дочери. Двойняшки... Эльза и Маша.

— А что с ними? — вырвалось у меня, хотя я знал, что этого вопроса задавать не следовало.

Но он, как-то уж слишком безбольно и беззащитно улыбнувшись, пожал плечами:

— Остались там, в Германии.

Меня подмывало ещё кое о чём спросить, но я сдержал себя.

— Ну, ладно, мне на работу... — Видя, что ребятам не до него, Дима поднялся. — А я думаю, дай, загляну, вдруг они, вместе ведь жили... И вы заходите, у меня ведь теперь и жильё!.. Да тут, в посёлке... — уже второй раз и намеренно громко, чтобы все услышали, сказал он, но и сейчас на это никто не обратил внимания. Дима сразу заторопился. — Ну, ладно, до встречи!..

— До свидания! Приходите! — торопливо сказал я.

— До встречи, Дима, заходи! — хватился кто-то из ребят, его прошлогодних знакомых.

Дима снова нахлобучил шапку, сделал несколько шагов в сторону, но все ещё что-то медлил, стоял и тихо улыбался.

— А как же всё это случилось? — не выдержал я.

— А! — несколько не удивился он моему вопросу, видимо, привык к нему. И неожиданно для меня вместо того, чтобы отказаться, сославшись на необходимость идти на работу, снова сел на студёную землю и снова привычно сцепил руки на коленях. — Служил в ГДР. В сорок восьмом меня призывали. Там и женился. Разрешалось это на сверхсрочной...

Я торопливо опустил перед ним на корточки.

— У нас так несколько человек было... Мой пост был у Бранденбургских ворот. Ходят из Западного Берлина и обратно, а мы проверяем. Две Германии, да ещё Западный Берлин — у кого и там, и там родственники...

На корточках было неудобно, ноги быстро затекали, но я не решался сесть, как он, на студёную землю: от неё и так палило стужей, и я время от времени привставал.

— Ну, так стоим мы на контрольно-пропускном посту. Вот идёт человек из Западного Берлина в нашу зону. Его проверяет немецкий полицейский. А я в его дело не вмешиваюсь, смотрю со стороны, но, если мне что-нибудь покажется подозрительным, я должен незаметно нажать кнопку — и на следующем контрольно-пропускном пункте его уже проверят основательно. А у неё как раз два брата в Западном Берлине нашлись — уже после того, как я женился. Дом родительский здесь, она присматривать за ним осталась, а они, оказывается, ещё в сорок пятом подались туда. И теперь объявились. Сначала я насторожился: они по разрешению властей приходиться стали... А потом смотрю, ничего — люди как люди... И так они вокруг меня, и этак — и всё добром. Полубили они меня очень, что я сестру их так жалею... И вот арестовывают меня вдруг. Говорят, пытались они проташить что-то, и как раз через мой контрольно-пропускной пункт. И якобы как раз, когда я дежурил. До сих пор толком не знаю, что там было и было ли... — Он доверчиво улынулся, вздохнул.

— У тебя есть отец, мать? — спрашивают на допросе.

— Есть, — говорю.

— Кто отец?

— Кочегарил в котельной, — отвечаю. — Сейчас не работает — инвалид войны.

— А мать?

— Мать уборщицей в школу пошла. Кому-то надо работать.
— Братья, сёстры есть?
— Три сестрёнки, все школьницы....
— А тут у тебя ещё два брата числятся?
— Братья на фронте погибли, — отвечаю.
— Зачем после армии на сверхсрочную остался?
— Командование предложило, — говорю, — вот и остался... Я на хорошем счету был, — пояснил он уже мне. — Потом — хотел помочь им встать на ноги, старшая-то сестрёнка уже на выданье была. — Он замолчал, упершись подбородком в колени, словно забыл о нас.

— А как ты женился-то? — осторожно спросил его Володя Хабаров.

— Да как, — задумчиво улыбнулся Дима. — В столовой она у нас работала, полы мыла. Ну, шмыгает и шмыгает. Однажды обратил внимание: слабенькая, ведро чуть несёт, через силу, жалко стало. И всё вздрагивает, и всё — как мышка, словно в детстве её кто напугал. Потом-то это у неё прошло, — широко улыбнулся он. — А тогда: сделают ей замечание, да и не замечание даже, а скажут, где ещё мыть, так она белая вся делается, как бы застынет, и слёзы на глазах. Я не мог смотреть... Ведро возьмёшь поднести, а она перепугается вся: “Найн, найн!” Потом улыбаться стала, так, чуть-чуть, как увидит меня. Стал спрашивать через других: одна, мать, параличом разбитая, лежит, отец в войну без вести пропал на Восточном фронте, только потом от неё узнал — под Сталинградом... Ну, а там и не знаю, как получилось... Пошёл я к командиру, а он: “Ну, — говорит, — не думал я, что ты такой смелый... Добавил ты мне хлопот, — вздыхает. — Я-то что! Пойду выше докладывать...” Да что тут рассказывать!.. Как-то само собой...

— Так у тебя, небось, до армии невеста была? — всё так же осторожно спросил Володя Хабаров.

— Как же, была — из соседнего двора! — Дима весь засветился. — Да какая там невеста! — махнул он рукой. — Так, переглядывались, только перед самой армией в подъезде раз и поцеловал. Правда, переписывались два года... А потом она замуж выскочила за Петьку Ярёмкина, он ещё в школе за ней ухлёстывал. В армию он не пошел по здоровью — в техникум поступил... Может, ещё из-за неё я и остался на сверхсрочную-то... — Он безбольно махнул рукой. — Ну, так дальше... — Что-то вроде тени мелькнуло на его лице, но он тут же прогнал её.

— Как же это так, говорят, отец вернулся с войны инвалидом, два брата отдали жизнь за родину, а ты?.. Так, может, и родина твоя теперь тут? Может, ты её променял? Выбирай!

— Нет, родина моя — Россия, — говорю.

— Тогда собирайся, поедешь на родину.

— А семья?

— А куда ты поедешь, туда с семьёй не ездят, — смеются. — К тому же жена твоя не нашего подданства. Тем более что она подвела тебя.

— А хотя бы проститься с семьёй можно будет?

— Нет. Поезд твой отходит через час. Да и зачем — только лишний раз нервы мотать — и ей, и себе. — Дима растерянно улыбнулся. — И повезли меня бесплатно домой, в Россию, а потом так же бесплатно — от границы и до океана, только уже в другом вагоне, с решётками, — он усмехнулся. — Как в туристическом путешествии, всю посмотрел...

Рассказывал он по-прежнему легко и безбольно, как о чём-то действительно лёгком и безбольном, по крайней мере, внешне так казалось, и от этого у меня по спине мурашки бегали. Видимо, он уже рассказывал это не раз, а может, и сотни раз: и там, у Тихого океана, где ему часто приходилось сидеть на земле, на снегу ли — вот так, сцешив руки на коленях, — и, может, ещё где, и здесь, в посёлке. Может быть, так, рассказывая всякому, кто попросит и не попросит, ему легче было все эти годы носить в себе беду, она хотя бы на время рассказа как бы выветривалась из сердца, её как бы частью брали себе те, кому он рассказывал, а они, в свою очередь, рассказывали ему свои беды, часто не менее безысходные и точащие, рвущие душу, и уже было легче: ты уже не один, кругом такие же люди...

И вот сейчас: попросил я, и он не стал отнекиваться и даже не задумался, стоит ли рассказывать этому человеку, которого и видел-то впервые, и даже как бы обрадовался просьбе, лишь печально улыбнулся и сел в привычную позу на землю, стужённую, скованную вечной мерзлой тоской, и стал легко и безбольно рассказывать, словно не о себе, свою необычную и такую обычную для русского человека жизнь:

— Через семь с половиной лет — вольный я казак. Стою на берегу Тихого океана, солнышко ласковое, как вот сейчас. Куда? Радио над головой: “Широка страна моя родная...” Поехал домой. Отец к тому времени уже умер. На работу нигде не берут... Вот тогда я и записал... Сколько я с того времени выпил! Наверное, море-океан, — засмеялся он, покачал головой. — Вот так и жил: годы летят, с каждым годом всё быстрее, а я только рад этому... Перебиваюсь случайными заработками. И тут приезжает свояк, муж средней сестры из Мирного:

— Назначают меня главным инженером в Айхал. Поехали!

— Но у меня ни специальности, ни трудовой книжки.

— Поехали! Всё-таки я главный инженер. А там, гляди, и приобретёшь какую специальность,

Уговорил, поехали. Действительно, пристроил меня помощником при монтаже карьерного экскаватора. Работаю месяц, второй — понравилось мне это дело. Собрали первый экскаватор, хожу, как на празднике: стоит громадина, надо же, мною собран, а через день начнём грузить руду... Но работать на нём мне не разрешают — нет удостоверения помощника экскаваторщика. “Ладно, — говорит свояк, — собирай пока второй экскаватор, а потом что-нибудь насчёт курсов придумаем”.

Стали собирать второй. А тут главного инженера, свояка моего, неожиданно переводят в другое место, а у меня документов по-прежнему нет, и ни на какие курсы меня не берут. Мало того, сразу уволили. Ну что, прожил я последние деньги, куда деваться? Опять домой? Матери-старухе, сёстрам на шею? С грузовым самолётом — ребята помогли — добрался до Якутска. Ну, в Якутске меня, конечно, ждут не дождутся! Туда сунулся, сюда сунулся. В конце концов, осел в аэропорту, тут семь бичей уже года три отираются: кто куда ехал, но так и не доехал. Ну, и пристроился я к ним, взяли. А то и это проблема: в речном порту свои бичи, на рынке — свои, и строго соблюдаются границы, попробуй, выйди на охоту на чужой территории. И загудели мы там! А потом примелькались, что ли, или начальство какое высокое должно было приехать, и выгнала нас милиция из аэропорта. Тогда перебрались мы в другой аэропорт — Маган, местных авиалиний... Там народ попроще... — Дима тихо, как бы даже виновато улыбнулся. — Ну, дохожу я совсем, можно сказать, погибаю, одеколон для меня — вместо марочного коньяка, а так — всё дрянь разная... И вдруг однажды останавливается мужик. Холодрыга, стою около автобусной остановки, трясёт меня.

— Пропадаешь? — спрашивает.

— Пропадаю, — говорю. В таких случаях лучше, что спрашивают, то и говори, — скорее отвяжутся. Людям нравится, когда с ними соглашаются, когда по-ихнему. — Пропадаю, — говорю. А сам думаю: чего тебе надо? Значительность сам себе хочешь показать? Обычно до нас никому дела нет, как до тех собак, что вместе с нами, брошенные, в аэропорту отираются. Разве только какой-нибудь начальничек для виду, выкобениваясь перед холюдами, строгость напустит: “Как тебе не стыдно!.. Когда страна!..” Или бабочка какая нервная, накрашенная, брезгливо отвернётся, зашипит, как кошка. А так словно нас и нет... И им хорошо, и нам. Живём вместе, на одной земле-планете, а друг друга не замечаем. И этот:

— Что же это ты так, а? Как же ты дошёл до этого, а? У тебя же руки вон, как лопаты.

Смеюсь:

— Зато у меня документов к этим рукам нет. Человек без документов, что машина без бензину. А сам думаю: “Какого тебе надо?! Там за углом Витька Молодцов с денатуратом ждать должен, ведь может и не вытерпеть!”

— А почему без документов?

— Ты что, мужик, — не стерпел я, ведь замерзаю совсем, — с Луны свалился или родился только что?! Ты разве не знаешь, почему люди без документов бывают?... Между прочим, люди рождаются без документов, их только потом выдают. А мне, может, забыли выдать... может, кончились... может, бумаги на мои документы не хватило...

А он не отвечает:

— Печи класть умеешь? — спрашивает.

— А при чём тут печи?

Трясёт меня всего, а он ещё про печи!..

— Я тебя спрашиваю: печи класть умеешь? — строго так. “Точно, начальник, — думаю, — голос выдаёт...”

— Не боги горшки обжигают... — говорю.

— Я тебя в третий раз спрашиваю: печи класть умеешь? И что вообще можешь?

— Там всё приходилось, было бы из чего.

— А у нас как раз не из чего. Глины нет, песка нет, одна вечная мерзлота. Приглашали геологов: нет, говорят, у вас глины, и песок не тот. И печники у нас разные были, ничего у них не получалось.

— Раз есть вечная мерзлота, должна быть и глина, — смеюсь. — Вечномёрзлая глина: тяжёлая такая, как свинец. Её ни ломом, ни кайлом — и брать не берут, и вязнут в ней, как в свинце. Много нашего народу на ней надорвалось... Ты не тех геологов приглашал, гражданин начальник, — смеюсь. — У меня, кстати, специальность помощника карьерного экскаваторщика, только вот документов нету, но до этого я почти полжизни проработал самым карьерным экскаватором — и всё в вечной мерзлоте. И эту проклятую глину я издавала чувствую-чую. Она где-то ещё глубоко внизу, а я её, родимую, уже чую.

— Поедешь со мной?

— Поеду, — говорю, а сам думаю: никуда он меня не возьмёт, так, одни разговоры, но, может, хоть накормит. Меня же трясёт! Из подсобки нас сегодня выгнали, на носу зима.

— Без дураков?

— Без дураков.

— Даже не спрашиваешь, куда?

— А мне хоть куда, — смеюсь. — Дальше, где я был, уже некуда — там Америка, чужая сторона. — А сам думаю: или уже мерещится от холода мне, или на самом деле, как мать говорила: “Терпи! И даже когда уже больше некуда будет — терпи! Такая доля наша. Это как проверка нам, Бог испытывает... Терпи и терпи — Бог всё видит! И когда вытерпишь своё, явится к тебе посланник Божий, Михаил Архангел, и воссияет над тобой счастливая звезда...”

— У нас, — говорит, — глухой эвенкийский посёлок на Верхоянском хребте, ничуть не хуже тех мест, где ты отдыхал, и я там единственный русский. И ни одной кирпичной печки на весь посёлок. Жестяные буржуйки или жестяные бочки из-под бензина — в лучшем случае. Дров уходит уйма. Вроде живём в тайге, а дрова уже за сто километров возим.

— Не пугай, — смеюсь. — Всё равно поеду.

— А сможешь?

— А другого-то печника у тебя всё равно нет, раз на меня позарился. Обманывать не буду — не печник я, хотя приходилось. Но дед у меня и прадед были печники. Да и отец, по крайней мере себе и соседям клал... Ну, ладно, прощай...

— Что, не поедешь?

— Так не возьмёшь ведь... Не печник я. Мог бы, конечно, обмануть...

— Возьму.

— Возьмёшь? — Смотрю на него: мужик как мужик, вроде кругом такие. — А скажи хоть, — осторожно спрашиваю, — кто ты такой, уж не Михаил Архангел, случаем?

— Нет, — говорит, — не Михаил Архангел. Я — совхозный зоотехник из Баянджи. Полетели! Многие до тебя пробовали, попробуй и ты. А то про-

падёшь... Погода лётная, через час регистрация, должны улететь. Вот тебе билет. Товарищ у меня в Якутске отстал, якут. Пока летишь, будешь Протопоповым. Документов-то у тебя, говоришь, всё равно нет. Ты вон как продубел, сойдёшь за якута.

— Так я же сам Попов!

— Ну, так вот, теперь станешь Протопоповым...

— И вот уже пятнадцать лет я здесь. Зоотехник Иван Митрофанович давно уехал, а я остался... Живу вот... — обвёл он взглядом студёные горы.

— Что-нибудь знаете о своей семье? — осторожно спросил я.

— Нет, — он расцепил руки, сведённые вокруг колен, махнул рукой. — С тех пор — ничего.

— Может, напишете в ГДР, — предложил Володя Хабаров. — Сейчас времена изменились.

— Зачем? — безболно спросил его Дима. — Мне и тот немец-практикант предлагал поискать. Зачем? Я уже старый, и она уже старая, да и в Западной Германии, я думаю, давно она. Полагаю, братцы перетянули её потом. Да и замужем, скорее всего. Дай бы Бог! Одной-то мыкать! Что ей тогда, лишь двадцать исполнилось.

— А дочери?

— Дочери? — печально улыбнулся он. — Они уже взрослые. Я им тогда, маленьким, был нужен, а теперь они без меня проживут. Теперь я им лишь в обузу. Да и вряд ли они знают обо мне... А до сих пор перед глазами. По два годика им как раз исполнилось... Зачем? Живут они теперь, поди, спокойно, добропорядочно, по-немецки, а тут вдруг какой-то сибирский русский отец объявился. А она... Только рвать нервы под старость друг другу.

— Да, Дима, я уже забыл, — закурив, снова встрял в разговор Юра Неганов. — А вторая-то жена кем была?

— Не было у меня второй жены, — повернулся к нему Дима.

— Как же так, Дима?!

— Да так, больше я уж не женился... — Он помолчал. — Первые годы ещё на что-то надеялся. Даже там, — махнул он рукой на восток, — а вдруг... А потом уже поздно было. Не хотел никого оставлять сиротой, одиноким... Теперь уж поздно...

Он по-прежнему говорил как-то слишком легко и безболно, словно не о себе, словно пересказывал прочитанную книгу или, скорее, фильм, который видел по телевизору — книг-то теперь не читают...

— Ладно... ребята. Я ведь на работу шёл. Слышу — вертолёт. Думаю, наверное, они прилетели... Я пока тут, на лесопилке...

— А кирпичи-то разве больше не делаешь? — небрежно пыхнул дымом Юра Неганов.

— Почему не делаю?! — Дима сразу оживился, просветлел. — Я ведь говорил... Теперь там, вот увидите, целое производство... Так и называется — цех! Теперь там!.. А зимой на лесопилке... — Дима замаялся. — Теперь ведь я почти не пью, — с напускной небрежностью, а на самом деле застенчиво признался он. — И жильё мне дали! Теперь у меня крыша над головой! — с плохо скрываемой гордостью сказал он уж в который раз и смутился, увидев, что и сейчас никто не прореагировал на его сообщение. Но тут же опять оживился: — У нас ведь теперь почти сухой закон в посёлке, — словно сбросив какую-то тяжесть, легко засмеялся он. — Уже слышали, небось?.. Когда это постановление вышло, собрали сход. Все идут, смеются: видано ли — чтобы взять вдруг и пить бросить. Это как солнце — взяло бы да и не взошло. Ведь уже не раз пытались, но обычно дальше разговоров дело не шло... Ну, пришли. “Вот такое дело, мужики, — говорит председатель сельсовета, — докатились мы совсем, как говорится, дальше некуда. Как дети малые, правительство за голову схватилось. Что будем делать — по талонам водку продавать? Или, например, только один день в неделю — в пятницу или там в субботу?” А старики-эвенки говорят, они больше нас, русских, в водку почему-то втягиваются... Почему так? Я вот видел, те же немцы — те хоть и пьют, да всегда знают меру. А у нас — словно не защищённые мы от неё, и кто-то этим хитро пользуется. Так вот, старики-эвенки говорят:

“Нет, мы не умеем помаленьку, как ты говоришь, культурно пить, как по телевизору показывают. И не надо нам никаких талонов или дней. Что это за питьё — две бутылки в месяц! Только душу тянуть. Или давай пить по-старому, или совсем от неё откажемся. А то ведь действительно скоро пропадём...” Так и решили... Во дают! — засмеялся он. — Как в сказке: эвенки отказываются пить. Мы, русские, отказываемся пить. Хотя русских-то тут я, наверное, один. Хотя нет, вон второй появился, и тоже Попов, и тоже не дурак выпить. А другие, не скособоченные, тут и не окажутся.

— Ну, и как? — хохотнул Юра Неганов. — Кончилось собрание, и...

— Держатся — вот уже почти полгода! — с весёлым восторгом сказал Дима. — А с другой стороны, здесь легче держаться. А куда денешься, если её совсем в посёлок не завозят? За полтыщи километров за ней не побежишь. Может, уже и не рады, что так решили, — засмеялся он, — а что делать — сами виноваты, могли не соглашаться. Но, в общем-то, хорошо. Раньше, как придёт вертолёт — весь посёлок пьяный. А по праздникам — и говорить нечего! И оленей бросят. А у них нет греха хуже, как оленей бросить. Некоторые, правда, голосовать голосовали, но в тайге тайком самогонку гонят, как суббота — все вдруг в лес, все культурные вдруг такие — кто по грибы, кто по ягоды.

— А ты? — усмехнулся Юра Неганов.

— И я голосовал, — засмеялся Дима. — И меня пригласили на собрание. Открытка пришла: “Уважаемый Дмитрий Иванович...”

— Ну, и ты с тех пор, конечно, не пьёшь! — захохотал Юра Неганов. — Раз собрание — то ты... ну, может, что не завозят...

— Ну, и что — не завозят, — усмехнулся и Дима. Реплика Юры Неганова на сей раз, кажется, задела его, и он не смог скрыть этого. — Неужели меня бы это остановило! Да и разве водка — моё питьё! Сколько я выпил за свою жизнь, чтобы не просыпаться, разве на водку у меня хватило бы денег! Да и водка для меня — вроде шампанского, и не берёт она меня уже вроде. Да вы знаете... — махнул он рукой.

— Да уж знаем, пока есть тракторы, тебе не грозит никакой сухой закон, — снова хохотнул Юра Неганов, посмотрев на меня: вот, мол, обещал я тебе развлечение. Он был доволен: Дима Попов не подвёл его передо мной. — Так что, ты навсегда завязал?

— Надо бы! — не замечая его тона, смущённо пожал плечами Дима. — Кто знает, куда выведет... Надо бы! Сколько можно... Ну, ладно, я пойду...

— Заходи, Дима, мы тебе всегда рады, — демократично протянул руку Юра Неганов — у него было хорошее настроение.

— Зайду, — обрадовался Дима. — Заходите сами. У меня теперь ведь жильё, прописка... Как у всех. Теперь я... Ну, ладно, пошёл я. Я ведь на работу шёл, на лесопилку. А так-то я по-прежнему, мы ведь теперь целый цех по производству кирпича открыли. Уже целых шесть тысяч в год... Иду, слышу, вертолёт. Дай, думаю, по пути загляну. Может, знакомые прилетели, с которыми на перешейке между озёр жили вместе...

И он встал и пошёл, на прощание ещё раз добро и застенчиво улыбнувшись. Я долго смотрел ему вслед и словно ловил себя на чём-то нехорошем: я, например, не люблю, когда я ухожу, а мне смотрят в спину.

— Я тебе говорил, экземпляр покажу. — Очень довольный собой, подошёл ко мне Юра Неганов. — Бичара матёрый! — поднял большой палец. — Я их на Чукотке видел-перевидел, а этот всем бичам бич... Завязал он!.. — хохотнул Юра Неганов и покачал головой. — Так я и поверил!.. Что ему этот сухой закон! Он его не касается. Чего он только не пил! И йод, и формидрон — средство от пота ног, и даже ацетон — перемешает его с пивом, если вдруг завезут, тут обычно польское или чешское, — он облизнулся. — Северным морским путём... Завязал он!.. Сейчас не знаю, а то ведь он и жил-то там, за первым озером, на перешейке, прямо в своих кирпичках. И никому дела нет, жив он там или нет. Бывало, придёт к нам в лагерь. “Хоть, — говорит, — на людей посмотрю...” А уж самое обычное его питьё — солёнка. Я же говорю: пока ходят тракторы, никакой сухой закон ему не грозит...

— Да брось ты!.. — не выдержал Володя Хабаров.

— Что — брось! — вспыхнул Юра. — Вон ребят спроси. Иногда нет, нет Димы, послушать бы от скуки про его немецкую бабу, пойдёшь к нему, а он спит прямо у бочки, и планг во рту! Бичара ещё тот!..

Стало уже темнеть, и мы один за другим потянулись к сельсовету. Экспедиция только начиналась. Я был уверен, что ещё не раз встречу Диму Попова, и мы поговорим с ним. Я чувствовал перед ним какую-то вину.

Но больше я его не встретил: на другой день мы уехали из посёлка, а к нам в лагерь он почему-то ни разу не пришёл, впрочем, от посёлка до него было целых пять километров, не считая двух бродов через речку, которая вздулась от дождей. Я надеялся встретить его на обратном пути, но неожиданно подвернулся вертолёт, выполнявший санрейс, — за все время, как мы прилетели в посёлок, не было ни самолёта, ни вертолёта, и было бы глупостью не воспользоваться счастливой для нас оказией.

Вместе с нами летел, сопровождая больного, а заодно по своим поселковым делам председатель сельсовета.

Внизу, словно мальчишки осколками зеркала, стреляли в нас зайчиками бесчисленные болота. Как они только держатся на этих суровых склонах! Слева, сильно накренившись при крутом развороте вертолёта, открылась долина Дулгалаха — есть такая река на Верхоянском хребте. И вдруг внизу по ней, как корабли в кильватерной колонне, только, в отличие от неё, на более значительном расстоянии друг от друга, поплыли чёрно-серые бараки: один, второй... пятый... На эти бараки обратил я внимание ещё утром, когда вертолётчики, неожиданно сев около нас, развернули карту, прося совета, где в горной тундре искать стойбище оленеводческого стада №6: там был больной. У каждого из этих бараков на карте стояла надпись: пустующий зимник, пустующий зимник... Может быть, я не обратил бы на них такого внимания, если бы они не были расположены примерно на одинаковом расстоянии друг от друга: шестой, седьмой... десятый... Вертолётчики не смогли сказать ничего определённого по поводу этих бараков, и я скоро забыл про них, и вот сейчас они вдруг один за другим поплыли под нами.

— Тут что, дорога какая была? — растерянно спросил я. — Неделию назад я пересекал эту долину и не заметил ничего такого.

— Да, зимник, — нахмурился председатель сельсовета. — С Лены, с Батамая, сначала вверх по Тумаре, потом с перевала вниз по Дулгалаху — почти тысячу километров — до рудника Эсэхайя люди шли... по этапу... Знаете, около Депутатского?... Дневной переход от барака до барака — в среднем тридцать километров... Не дошёл, чуть отстал — твоя вина... Почти двадцать лет шли — и только в одну сторону... Старики наши много могли бы рассказать, но не расскажут... Редко, но бывало: бежали. Если кто из наших принимал или одежду, еду давал — самого по этой дороге отправляли... Давно это уже было, а бараки так и стоят, словно ждут...

Я неотрывно смотрел вниз. Душа охолонула, замерла внутри... Рядом смотрел вниз врач, молодой парень, попавший в Якутию год назад по распределению...

— Вот так и живём, — перевел председатель разговор на другую тему. — Совхоз — один из лучших в Якутии, по итогам прошлого года завоевали переходящий вымпел Министерства сельского хозяйства РСФСР, а связи с нами — никакой. Нет, когда зимой надо мясо вывозить, самолёты будут десятками летать, а вот когда нам надо... Авиатранспорт — самая главная наша проблема. Спасает лишь зимник, по нему все грузы забрасываем, а то и не знаю, что делали бы. Иногда месяцами в Сангаре сидим. А дней пятнадцать-двадцать — самое обычное дело... Вот как сегодня: роженицу санрейсом вывезут вместе с этим больным, здесь рожать ни за что не дадут — забота о человеке, а обратно уже никому дела нет: ребенку, бывает, месяц исполнится, а она всё в аэропорту в Сангаре с ним сидит...

Долина Дулгалаха с гнетуще царапающими душу бараками, снова качнувшись, наконец, ушла влево, но они всё ещё плыли перед моими глазами, и я плохо слушал председателя.

— ...И вот ещё одна проблема: отопление. Заметили, кругом лес вырубил? Посёлок маленький, а вырубил чуть ли не с целую Бельгию. Лес

и так-то здесь растёт плохо, медленно: лёд да камень, да морозы такие. Уже за сто километров за дровами ездим. Жрут эти железные печи: затопишь — в доме жарится, а потухла — тут же холодно. Поэтому они у нас, как атомные реакторы, беспрестанно работают. У семидесяти процентов жителей — железные печи. Только недавно стали кирпичные появляться — в год одна-две. Нет глины, нет песка. С конца войны пытались тут глину найти — ничего не получалось. Специально геологов приглашали — не нашли.

— Ну, вы же говорили, что у вас уже есть кирпичные печи. Что, из привозного кирпича? — спросил врач.

— Да разве столько привезёшь! — засмеялся председатель. — Золотой будет, если не дороже. Ну, в конце-то концов, — кирпич действительно можно завезти, а глина, песок для раствора? Чем этот кирпич скреплять будешь?.. Есть у нас тут один специалист. Геологи не нашли, а он нашёл. Хоть мало, но нашёл. Десять лет искал, если не больше. На него уже все плюнули, тем более что разехалось давно начальство, которое завезло его сюда: ну, живёт человек на перешейке за первым озером, беглый не беглый, бич не бич — не поймешь, кто. Документов нет, но зла никому не делает, и ладно. А он, в конце концов, нашёл. И кирпичи из неё жжёт. И печи кладёт. Какая-то чёрная глина, и печи из неё чёрные получаются. Все говорят, что нельзя из неё делать кирпич, а он делает, мало, конечно, да ещё со срывами большими, как загуляет, но делает, и стоят его печи, и греют хорошо. Сейчас даже что-то вроде цеха организовали. Уже до шести тысяч кирпичей в год довели. Для вас это, может, смешно, а для нас — большая цифра: четыре-пять кирпичных печей в год. Вся надежда на него, если опять не сорвётся, не запьёт снова в чёрную...

Перед глазами всё ещё плыли дулгалахские бараки, и до меня не сразу дошло, что он говорит о Диме Попове, и внутри что-то дрогнуло.

— Он ведь и жил-то до последнего времени там, на перешейке. Пригласили его на заседание сельсовета: “Слушай, на тебя вся надежда. Ты сделал великое дело: твои печи стоят и греют. Сможешь за пятнадцать лет, к двухтысячному году, ликвидировать в посёлке железные печи? Хотим такой пункт вписать в культурно-социальную программу развития посёлка, если ты возьмёшься за это дело... — К двухтысячному? — спрашивает. — Это же чёрт знает когда!.. — Да нет, — говорим, — всего через четырнадцать лет. Век кончается”. А он сидит и понять не может. А потом как схватится за голову, словно чем его ударили: “Да вы что, граждане начальники, это не просто век, это ведь второе тысячелетие нашей эры кончается!.. На самом деле — неужели третье тысячелетие? Ведь вроде вот только в школе проходили про какой-то Древний Рим, впереди ещё, по крайней мере, полвека было, так далеко, что об этом никто думать не думал”. И нас тоже — как бы стукнуло: а ведь правда, — третье тысячелетие! До этого тоже как-то всё времени не хватало подумать: то одно, то другое... Глядим друг на друга растерянно. А он привстал даже от волнения: “Вот те на: пил бы, пил — и вдруг третье тысячелетие! Или: пил бы, пил — и даже не знал, что уже наступило третье тысячелетие. А может, и конец света, ведь, говорят, написано где-то. Ты по-прежнему хлещешь какое-нибудь средство для чистки окон и не подозреваешь, что уже наступил конец света!.. Неужели это так близко, а? Нет, вы подумайте; на носу третье тысячелетие нашей эры! Вы хоть понимаете это, мужики? Хоть кто-нибудь задумался над этим?!” И плачет, и смеется: “Неужели не понимаете?..”

Вертолёт снова резко повернул, и председатель сельсовета вслед за мной невольно посмотрел вниз, где, чуть не задев брюхо вертолёта, медленно и равнодушно-угрожающе плыли, занимая собой пространство от горизонта и до горизонта, серо-сыпучие, вымороженные временем и стужей, голо-неуютные горы.

— Вот так, — снова повернулся он ко мне, — греют его печи. Вся надежда на него...

Нашему постоянному автору МИХАИЛУ АНДРЕЕВИЧУ ЧВАНОВУ исполнилось 70 лет.

От всей души поздравляем его и желаем новых творческих успехов на пользу Отечеству нашему!